

Категории злоупотребления правом и противоречивого поведения в контексте диффамационных споров

Аннотация. В последние 20 лет в российском праве наблюдается явное усиление официальной опоры судов на философские концепты, особое место среди которых занимает добрая совесть. Одно из наиболее любопытных для исследования проявлений недобросовестности — злоупотребление правом. Тесно связано с добросовестностью также иное этическое юридическое понятие — противоречивое поведение (оно порочно именно в недобросовестном варианте). Комплексный анализ диффамации и судебной защиты от нее через призму указанных терминов до сего времени в отечественной цивилистике не проводился. В работе оценивается значение для диффамационного права очерченных категорий, а также определяется соотношение диффамации с обозначаемыми ими явлениями. Отождествление злоупотребления правом с диффамацией или понимание их как категорий рода и вида соответственно ошибочно. В ракурсе теории права данные понятия не пересекаются. Диффамация есть деликт и не должна квалифицироваться как акт злоупотребления правом (в частности, шиканы), ибо последний предполагает формально юридически безупречную реализацию права, порочную искажением его назначения и вредоносностью. Однако составлять злоупотребление правом может выражение субъективного мнения. Если исходить из классического понимания противоречивого поведения как череды правомерных, но непоследовательных действий, наносящих кому-либо вред, диффамация, будучи деянием неправомерным, категорией противоречивого поведения не охватывается. Между тем в судебной практике периодически обсуждается несогласованность позиций истцов по диффамационным спорам и алогичное процессуальное поведение спорщиков о диффамации.

Ключевые слова: злоупотребление правом; противоречивое поведение; добросовестность; шикана; диффамация; честь; достоинство; деловая репутация; деликт; свобода слова.

Для цитирования: Парыгина Н. Н. Категории злоупотребления правом и противоречивого поведения в контексте диффамационных споров // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 81–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.081-090.

© Парыгина Н. Н., 2025

* Парыгина Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
пр. Мира, д. 55а, г. Омск, Российская Федерация, 644077
np-line@mail.ru

Categories of Abuse of the Right and Inconsistent Behavior in the Context of Defamation Disputes

Natalya N. Parygina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law,
Omsk State University named after F.M. Dostoevskiy, Omsk, Russian Federation
np-line@mail.ru

Abstract. Over the past two decades, there has been a noticeable strengthening of the official reliance of Russian courts on philosophical concepts, among which the notion of good faith occupies a prominent position. The abuse of the right is one of the most intriguing manifestations of bad faith that merits investigation. Closely related to good faith is another ethical legal concept — inconsistent behavior — which is deemed flawed specifically in its manifestation of bad faith. To date, a comprehensive analysis of defamation and the judicial protection against it through the lens of these terms has not been conducted in domestic civil law scholarship. This study evaluates the significance of the outlined categories for defamation law and defines the relationship between defamation and the phenomena they denote. Equating the abuse of the right with defamation, or understanding them as categories of genus and species respectively, is erroneous. From the perspective of legal theory, these concepts do not intersect. Defamation is a tort and should not be classified as an act of abuse of the right (particularly harassment), as the latter entails a legally impeccable formal exercise of the right that becomes flawed through the distortion of its purpose and its harmfulness. However, the expression of a subjective opinion can constitute an abuse of rights. If one adheres to the classical understanding of inconsistent behavior as a series of lawful yet inconsistent actions that cause harm to others, defamation, being an unlawful act, is not encompassed by the category of inconsistent behavior. Meanwhile, in judicial practice, the inconsistency of plaintiffs' positions in defamation disputes and the illogical procedural conduct of litigants regarding defamation are periodically discussed.

Keywords: abuse of the right; contradictory behavior; good faith; harassment; defamation; honor; dignity; business reputation; tort; freedom of speech.

Cite as: Parygina NN. Categories of Abuse of the Right and Inconsistent Behavior in the Context of Defamation Disputes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):81-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.081-090.

Введение

Прочно вошедшее в отечественный правовой лексикон, давно пополнившее язык служителей Фемиды и авторов научных трактатов иностранное понятие «диффамация» (от лат. *diffamo* — порочу), так тем не менее и не ставшее законодательным термином, официально определено Верховным Судом РФ как нарушение норм гражданского права, описанное в ст. 152 ГК РФ: распространение не соответствующих действительности порочащих чьи-либо честь, достоинство или деловую репутацию сведений¹. Названный

деликт устойчиво держит позиции повсеместного и массового, что делает желательным его рассмотрение сквозь призму общих новейших тенденций правоприменения. Одна из таких — явное усиление в последние пару десятилетий по сравнению с первым постсоветским периодом открытой опоры судов на этические начала и иные философские концепты, среди которых особенно выделяется категория доброй совести (*bona fides*). Под конец 2012 г. о добросовестности было упомянуто в ст. 1 ГК РФ, тогда же обновлена редакция ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав, в частности

¹ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. № 50.

уточнен перечень форм злоупотребления правом². Не так давно, в 2023 г., Конституционный Суд РФ привел убедительную развернутую аргументацию применимости универсального требования поступать добросовестно к случаям распространения информации, затрагивающей честь, достоинство и деловую репутацию гражданина³.

В свете сказанного анализ диффамации и соответствующей судебной практики через феномен добросовестности, который до сего времени в цивилистике целенаправленно не проводился, представляет несомненный интерес. При этом в ряду наиболее интересных для исследования проявлений недобросовестного поведения находится злоупотребление субъективным гражданским правом, а противоречивое поведение — еще одно понятие с философским смысловым наполнением, активнейшим образом разрабатываемое практиками и постигаемое теоретиками, — рассматривается в тесной связи с важными для юриспруденции актами злоупотреблений, ибо именно в недобросовестном варианте порицается несколькими нормами ГК РФ. Настоящая работа являет собой попытку взвесить значение для диффамационного права очерченных категорий, а также определить соотношение диффамации со злоупотреблением правом и непоследовательным поведением участников гражданского оборота⁴.

Роль института злоупотребления правом в противодействии неправомерному продвижению информации

В абзаце 1 п. 1 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом расшифровывается как заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, здесь же приводятся некоторые его формы: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (оно имеет специальную номинацию немецкой этимологии — «шикана») и действия в обход закона с противоправной целью. Предпринимателям законодательно запрещается использовать гражданские права в целях ограничения конкуренции и злоупотреблять доминирующим положением на рынке, о чем гласит следующий абзац той же статьи Кодекса.

Мощный морализующий эффект борьбы законодателя со злоупотреблениями подчеркивался классиком российского правоведения И. А. Покровским, в 1917 г. писавшим о том, что запрещение шиканы (этой известнейшей модификации извращенного пользования субъективными правами) устраняет «крайние, антисоциальные шипы» дозволенного эгоизма, областью которого гражданское право по преимуществу является⁵.

Можно ли полагать диффамацию разновидностью злоупотребления правом и (если исходить из того, что распространитель порочащей

² Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 3.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2023 № 44-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Попковой» // Российская газета. 2023. № 169.

⁴ В понятийном аппарате науки гражданского права довольно глубоко укоренился термин «диффамационное право», обосновано существование соответствующего правового образования (см., например: *Потапенко С. В.* Диффамационное право. Гражданско-правовой аспект : учеб. пособие. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та имени Н.Ф. Катанова, 2007). Е. В. Кожевина справедливо отмечает, что подотрасль отличается от правового института прежде всего наличием общих положений, а поскольку гл. 8 ГК РФ составляют несколько статей, из которых выделить общую часть невозможно, нормы о нематериальных благах представляют собой гражданско-правовой институт (*Кожевина Е. В.* Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // *Цивилист.* 2010. № 4. С. 60). В продолжение этих рассуждений диффамационное право закономерно квалифицировать как подынститут в рамках соответствующего гражданско-правового института.

⁵ *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стер. М. : Статут, 2001. С. 119.

лжи не извлекает из умаления чужих нематериальных благ никакого полезного эффекта для себя лично) такой его формы, как шикана? Любопытно, что в авторитетной научной литературе подобная трактовка данного правонарушения неоднократно озвучивалась. Так, С. В. Потапенко определяет диффамацию как «гражданско-правовой деликт, направленный на умаление чести, достоинства и деловой репутации потерпевшего в общественном мнении или мнении отдельных граждан, путем распространения о нем порочащих, не соответствующих действительности сведений фактического характера, являющихся злоупотреблением свободой слова и массовой информации»⁶. Диссертационное исследование А. А. Смирновой, представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук, посвящено рассмотрению диффамации в качестве не только противоправного деяния, но и злоупотребления правом⁷.

Думается, однако, злоупотребление правом (как и любое другое недобросовестное поведение) возможно исключительно через совершение формально правомерных действий. Само слово «злоупотребление» подразумевает использование во зло чего-либо, принадлежащего субъекту по праву; некие внешне благообразные поступки, производимые в явном конфликте с сутью, изначальной функцией применяемого механизма и с отвергаемым моралью умыслом причинить ущерб ближнему — *animus nocendi*. Чрезвычайно точна дефиниция А. А. Малиновского, именующего злоупотреблением субъективным правом такой способ осуществления последнего в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству. Основными признаками злоупотребления субъективным правом автор считает осуществ-

ление такового в противоречии с его назначением и вредоносным образом⁸. Соглашаясь с изложенным, стоит отметить, что при диффамации отсутствует даже формально надлежащее осуществление права. Диффамация — всегда деликт, нарушение норм гражданского законодательства, а значит, с точки зрения теории права нельзя говорить о дозволенном использовании юридически обеспеченной возможности кому-либо во зло: распространять лживую позорящую то или иное лицо информацию не разрешается, злоупотреблять нечем.

Следовательно, в собственном смысле диффамация под акты злоупотребления правом и недобросовестного поведения в целом, как видится, не подпадает. Относить ее к ним можно лишь условно, и такой прием объясним, ибо обычно, стремясь избежать ответственности, диффаматоры безосновательно апеллируют к свободе поиска, получения, производства и распространения информации в намеренно извращенном истолковании, прикрываются ею. Весьма вероятно, получившее распространение условное отнесение диффамации к фактам злоупотребления правом продиктовано как раз популярными у нарушителей нечестными попытками оправдать свои действия свободой слова, хотя известно, что любая свобода в здоровом обществе ограничена юридическими рамками, и диффамация, естественно, находится за их пределами.

В той же логике сформулирована статья 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁹, раскрывающая явление злоупотребления свободой массовой информации. Несмотря на то что диффамации среди его возможных воплощений не названо, в качестве оных фигурируют иные, в том числе уголовно наказуемые, правонарушения, например разглашение государственной тайны, пуб-

⁶ Потапенко С. В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 12.

⁷ Смирнова А. А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4–6.

⁸ Малиновский А. А. Злоупотребление правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 9–10.

⁹ Российская газета. 1992. № 32.

личные призывы к терроризму, продвижение материалов, пропагандирующих смену пола, и т.д. Кстати, факторы, подлежащие учету при решении вопроса о том, имело ли место злоупотребление свободой массовой информации в приведенной трактовке, дополнительно прояснены в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”»¹⁰.

Вопрос о том, не относятся ли к фактам злоупотребления правом действия, предположительно совершаемые с единственной целью — причинить вред чьей-либо деловой репутации, периодически выносятся на рассмотрение судебных органов¹¹. Так, угроза распространить в социальной сети порочащие должника сведения, «испортить репутацию его семьи», исходящая от сотрудников службы взыскания в ходе попыток вернуть просроченную задолженность, квалифицируется судом как злоупотребление правом¹². Как злоупотребление правом расцениваются в судебной практике и предпринятые потребителем после возврата ему денег за некондиционный товар действия по размещению ложных подрывающих деловую репутацию продавца сведений в отзывах к товарам последнего на маркетплейсе (электронной торговой платформе)¹³.

Если подчас использование понятия «злоупотребление правом» по указанным выше причинам может носить лишь символический характер, то с полным основанием оно при-

менимо к некоторым эпизодам высказывания личных воззрений. Осуществляя закрепленное в ст. 29 Конституции России¹⁴ право свободно выражать свое мнение, которое не поддается верификации, ибо существует вне категорий истинности и ложности, де-юре субъект действует законно, но способен при этом проявлять недобросовестность в оценке фактических обстоятельств, на что обращается внимание в судебных постановлениях¹⁵. Возможна, допустим, крайняя предвзятость или же очевидная резкость в выражениях (именно резкость, и это тоже тонкий момент, поскольку включение в публикуемый текст оскорбительных фраз уже является прямым нарушением норм административного права).

Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области, разграничив фактологические и оценочные суждения, обозначил, что «только первые при их порочащем характере могут быть в целях защиты репутации квалифицированы как злоупотребление свободой мнений и повлечь за собой меры гражданско-правовой ответственности»¹⁶. Действительно, одни суждения опираются на анализ фактов («сдается мне, гр-н Клячкин хватает взятки»), другие — на характеристики лиц и жизненных обстоятельств, которые складываются сугубо индивидуально, в зависимости от личности, вкусов и мировоззренческих установок комментатора («гр-н Клячкин, как погляжу, звезд с неба не хватает»¹⁷). Есть, однако, нюанс, не позволяющий в полной мере согласиться с выводом правоприменителя.

¹⁰ Российская газета. 2010. № 132.

¹¹ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.11.2021 по делу № А76-672/2020 ; решение Арбитражного суда Челябинской области от 21.04.2021 по делу № А76-672/2020 ; решение Арбитражного суда Брянской области от 30.01.2019 по делу № А09-11926/2017 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «Гарант»).

¹² Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 13.07.2023 по делу № А65-12251/2023.

¹³ Решение Арбитражного суда Московской области от 26.10.2023 по делу № А41-70061/2023.

¹⁴ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

¹⁵ См., например: постановление Арбитражного суда Астраханской области от 26.01.2024 по делу № А06-6810/2023 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.11.2023 по делу № А57-21477/2022.

¹⁶ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29.05.2023 по делу № А56-65295/2022.

¹⁷ То есть не отличается выдающимися способностями, умом, усердием.

Первый тип высказываний — суждения лишь номинально, а по существу — преподнесенные в завуалированной форме утверждения о факте. Если бы говорящий не исходил из уверенности в таковом, суждение бы не состоялось. Стало быть, в первом случае (при так называемых фактологических суждениях) перед нами всё та же диффамация, а вовсе не реализация законного права со злоупотреблением.

Запрет противоречивого поведения и разрешение диффамационных споров

В России и мире термин «противоречивое поведение» приспособлен правоведами для обозначения действий или бездействия участников гражданских правоотношений, идущих вразрез с моделью их предшествующих действий или бездействия, воспринятой иными лицами. Само по себе противоречивое поведение не является и не должно являться объектом законодательных запретов, поскольку с течением времени у субъекта может меняться представление о собственных интересах (п. 2 ст. 1, ст. 9 ГК РФ) или отношение к явлениям окружающей реальности. Санкционироваться правом надлежит лишь тому непоследовательному поведению, которое недобросовестно. Впрочем, общий подобный запрет с кристаллизацией критериев его применения к тем или иным жизненным ситуациям на текущий момент в законе, увы, не закреплен. Зато фрагментарные положения о запрете противоречивого поведения, налагающие табу на некоторые иррациональные юридически значимые действия, рассеяны по отечественному ГК: они содержатся в его абз. 4 п. 2, п. 5 ст. 166, ст. 431.1, п. 3 ст. 432, ст. 450.1.

Как благоразумно отмечено в судебной практике, «переменчивое поведение хотя и не

является гражданским правонарушением», но «небезразлично праву, так как лицо, изменив выбранный ранее порядок поведения, получает преимущество по сравнению с теми лицами, которые следуют своему предшествующему поведению и отношению к юридическим фактам»¹⁸.

В правовых системах различных стран мира выработаны самобытные модели запрета противоречивого поведения. Наиболее популярны, во-первых, англо-американский эстоппель (от англ. estoppel — утрата права возражения, права ссылаться на какие-либо факты или оспаривать их), предполагающий разрозненные правила о рассматриваемом запрете, точно применяемые к отдельным видам правоотношений (по напоминающему эту схему пути идет пока российский законодатель), и, во-вторых, континентальная максима *venire contra factum proprium* родом из римского права, проистекающая из общего представления о добрых нравах и сложившаяся в виде некой монолитной догмы, актуальной для всех типов взаимодействий между любыми субъектами. Как бы то ни было, запрет противоречивого поведения всегда тесно связан с явлением добросовестности, так как именно в недобросовестном исполнении подобное поведение достойно упрека. В научной периодике артикулируется характеристика правила эстоппеля как проявления принципа добросовестности (справедливости)¹⁹, средства обеспечения его соблюдения²⁰.

Нет причин оспаривать заключение о том, что этот «достаточно гибкий» правовой институт позволяет защитить добросовестную сторону практически всех сфер гражданско-правовых отношений²¹. Одна из таких сфер — распространение информации. При этом как изначальная, так и последующая активность противоречащего себе субъекта должна быть правомерна. Когда же цепочка противоречивых проявлений

¹⁸ Решение Арбитражного суда Московской области от 05.10.2022 по делу № А41-12757/2022.

¹⁹ Дубинина И. А. «Эстоппель» как проявление принципа справедливости в гражданском праве Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 4. С. 92.

²⁰ Камалиева Г. А. К вопросу о непротиворечивости поведения // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 2 (21). С. 82.

²¹ Кулик Т. Ю. Применение эстоппеля как способ защиты права добросовестного лица // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 7 (146). С. 63.

лица содержит элементы конкретного правонарушения (той же диффамации), юридическая ответственность наступит не за факт противоречивого (правомерного, но недобросовестного) поведения, а за факт нарушения права.

При технической ошибке (описке, опечатке) в изложении сведений или при безвиновной дезинформации с дальнейшим исправлением неточности, удалением или опровержением публикации, возможно в сопровождении извинений, разнонаправленные, но добросовестные действия не влекут ответственности вовсе. Тогда как умышленное введение кого-либо в заблуждение, искажение оглашаемой информации после ее получения из первоисточника при установлении исходной решимости раскрыть данные в неизменном виде, напротив, заслуживает негативной реакции права, но по нормам ст. 152 (не 1 или 10) ГК РФ.

Представим следующий сюжет. До записи ответов на вопросы в ходе интервью, при его подготовке утверждается, что прямая речь будет обнародована без купюр, затем высказывания выдергиваются из контекста, чем извращается вложенный в них смысл. В итоге интервьюер затейливым способом лжет о заявлениях собеседника, что также открывает возможность умаления чести, достоинства и (или) деловой репутации по лекалу диффамации. Описанным непредсказуемым в своей нечистоплотности действиям подобает влечь юридическую ответственность. Нужная нормативная база — специальные правила ст. 152 ГК РФ. Обращение к институту противоречивого поведения не вполне теоретически корректно, да и нерационально, избыточно.

Судебной практике между тем известны как казусы установления противоречивого поведения истцов по спорам о диффамации²², так и безуспешные попытки ответчиков апеллировать

к подобному нестабильному поведению истцов. В одном из случаев второй категории автор признанных судом диффамационными публичных высказываний в социальной сети ссылаясь на то, что истец, будучи ознакомленным с ложными порочащими его сообщениями в апреле 2022 г., до декабря того же года ни разу не обратился с претензией или исковым заявлением о нарушении своего права на деловую репутацию, не пытался удалить или сокрыть нелестную информацию во внесудебном порядке. Ответчик полагал возможным применение правила эстоппель, указывая на непоследовательное поведение оппонента. Суд (думается, абсолютно обоснованно) данный довод во внимание не принял. В самом деле, действующего, в отличие от ответчика, в рамках закона истца (сроки исковой давности по требованиям о защите чести, достоинства и деловой репутации по общему релевантному здесь правилу не работают в силу ст. 208 ГК РФ) едва ли можно упрекнуть в недобросовестности. Владелец нарушенного права в контексте состоявшейся диффамации осуществлял действия по его защите, а не преследовал цель причинить ущерб нарушителю²³.

Порой суды устанавливают недобросовестное процессуальное поведение участвующих в спорах о диффамации лиц, применяя эстоппель в процессуальных правоотношениях²⁴. Проблема эстоппеля в процессуально-правовом аспекте как таковая устойчиво вызывает к себе живой исследовательский интерес²⁵.

Во многих смыслах желательным на перспективу видится внедрение в ГК РФ общего правила о запрете противоречивого поведения, применимого к различным типам общественных отношений, регулируемых гражданским правом (замена им ряда распыленных по нескольким статьям упоминаний об ограничении переменчивости позиций участников гражданского

²² Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 25.10.2023 по делу № А65-389/2023.

²³ Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 29.02.2024 по делу № А27-23184/2022.

²⁴ См., например: решение Арбитражного суда города Москвы от 22.06.2022 по делу № А40-275967/2021 ; решение Арбитражного суда Магаданской области от 14.02.2019 по делу № А37-2121/2016.

²⁵ См., например: *Грибов Н. Д.* Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 13–17 ; *Терехов В. В.* Применение правила эстоппель в процессуальных отношениях // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 3. С. 135–140.

оборота). И дело не только в усилении лаконичности, емкости, ясности закона. Англосаксонская модель означенного запрета (эстоппель), порожденная, по выражению И. А. Покровского, «хаосом веками накопившихся прецедентов»²⁶, слабо соответствует современным потребностям отечественной правовой системы (особенно с учетом возросшей роли категории добросовестности) и не отвечает русской правовой традиции.

Итак, диффамация как гражданское правонарушение не охватывается категорией противоречивого поведения в строгом значении, если под последним понимать линию правомерных, но непоследовательных действий, наносящих кому-либо вред. При противоречиях, которые включают в себя акт диффамации, правовая ответственность наступает непосредственно за последний.

Выводы

Отождествление злоупотребления правом с диффамацией, равно как и понимание их соотношения как категорий рода и вида соответственно, ошибочно. Воспроизводимое в научных трудах и судебных актах включение понятия «диффамация» в объем понятия «злоупотребление правом» может восприниматься в качестве фикции, осознанного хода с известной долей условности, вызванного ссылками нарушителей на свободу использовать информацию в намеренно извращенной интерпретации. Под углом зрения теории права диффамация, являясь нарушением норм действующего российского гражданского законодательства, не должна квалифицироваться как акт злоупотребления правом (в частности, шиканы), ибо последний предполагает формально юридически безупречную реализацию принадлежащего лицу субъективного права, порочную искажением самой его сути, назначения через намерение правообладателя вместо (при шикане) или заодно с удовлетворением собственного интереса причинить вред иному лицу.

Вместе с тем осуществление права на свободу мысли и слова может быть недобросовестным и, соответственно, может составлять злоупотребление законодательно предоставленной гарантией при условии, что озвучивание того или иного суждения не содержит признаки какого-либо самостоятельного правонарушения. Злоупотребление правом возможно технологически по-разному, но субстанционально единственным образом — посредством совершения правомерных действий.

Обращение к правовому приему запрета противоречивого поведения связано с оценкой добросовестности неожиданно действующего лица. Если исходить из классического понимания противоречивого поведения как череды правомерных, но противоречащих друг другу действий, наносящих вред чьим-либо законным интересам, диффамация, будучи действием неправомерным, т.е. деликтом, категорией противоречивого поведения не охватывается. Хотя распространение ложных порочащих сведений нередко идет вразрез с моделью поведения, которую изначально демонстрировал диффаматор, гражданско-правовая ответственность в подобной ситуации будет наступать непосредственно за факт диффамации. В то же время в судебной практике периодически обсуждается вероятность противоречивого поведения истцов по диффамационным спорам, а также недобросовестное процессуальное поведение спорящих о диффамации лиц.

Заключение

Злоупотребление правом как любопытнейшее проявление недобросовестности представляет собой вполне реальный риск в сфере распространения информации (тех же субъективных суждений, например), однако не должно сливаться с диффамацией. Диффамация не включается и в объем понятия противоречивого поведения в собственном смысле слова. При этом правоприменительной практике известны случаи противоречивого поведения истцов по

²⁶ Покровский И. А. Указ. соч. С. 105.

спорам о диффамации. Разумным было бы введение общего запрета подобного поведения в нормы ГК РФ. Грамотно сформулированная единственная прямая легальная установка на запрет противоречивых действий способство-

вала бы выработке общих условий применения такого запрета и, что важно для диффамационных споров, четкому отграничению противоречивого недобросовестного (но правомерного) поведения от диффамации как деликта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грибов Н. Д. Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 3. — С. 13–17.
2. Дубинина И. А. «Эстоппель» как проявление принципа справедливости в гражданском праве Российской Федерации // Право и управление. — 2024. — № 4. — С. 89–94.
3. Камалиева Г. А. К вопросу о непротиворечивости поведения // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. — 2021. — № 2 (21). — С. 81–88.
4. Кожевина Е. В. Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // Цивилист. — 2010. — № 4. — С. 59–63.
5. Кулик Т. Ю. Применение эстоппеля как способ защиты права добросовестного лица // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2022. — № 7 (146). — С. 62–65.
6. Малиновский А. А. Злоупотребление правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 52 с.
7. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — Изд. 3-е, стереотип. — М. : Статут, 2001. — 354 с.
8. Потапенко С. В. Диффамационное право. Гражданско-правовой аспект : учеб. пособие. — Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, 2007. — 204 с.
9. Потапенко С. В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар, 2002. — 43 с.
10. Смирнова А. А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.
11. Терехов В. В. Применение правила эстоппель в процессуальных отношениях // Правоприменение. — 2019. — Т. 3. — № 3. — С. 135–140.

Материал поступил в редакцию 6 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gribov N. D. Protivorechivoe povedenie lits, uchastvuyushchikh v dele // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2021. — № 3. — S. 13–17.
2. Dubinina I. A. «Estoppel» kak proyavlenie printsipa spravedlivosti v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii // Pravo i upravlenie. — 2024. — № 4. — S. 89–94.
3. Kamaliev G. A. K voprosu o neprotivorechivosti povedeniya // Ekonomicheskoe pravosudie na Dalnem Vostoke Rossii. — 2021. — № 2 (21). — S. 81–88.
4. Kozhevina E. V. Nematerialnye blaga kak obekt grazhdanskikh prav: diskussionnye voprosy teorii i sudebnoe tolkovanie // Tsivilist. — 2010. — № 4. — S. 59–63.
5. Kulik T. Yu. Primenenie estoppelya kak sposob zashchity prava dobrosovestnogo litsa // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2022. — № 7 (146). — S. 62–65.

6. Malinovskiy A. A. Zloupotreblenie pravom kak yuridicheskiy fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2009. — 52 s.
7. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — Izd. 3-e, stereotip. — M.: Statut, 2001. — 354 s.
8. Potapenko S. V. Diffamatsionnoe pravo. Grazhdansko-pravovoy aspekt: ucheb. posobie. — Abakan: Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.F. Katanova, 2007. — 204 s.
9. Potapenko S. V. Problemy sudebnoy zashchity ot diffamatsii v SMI: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Krasnodar, 2002. — 43 s.
10. Smirnova A. A. Diffamatsiya kak pravonarushenie i zloupotreblenie pravom: konstitutsionno-pravovoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 26 s.
11. Terekhov V. V. Primenenie pravila estoppel v protsessualnykh otnosheniyakh // Pravoprimenenie. — 2019. — Т. 3. — № 3. — С. 135–140.